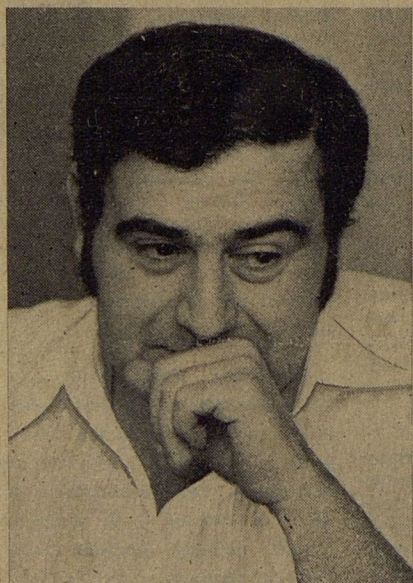

В СУББОТНИЙ ВЕЧЕР

Интервью

с актером

Как работать? С полной

самоотдачей

Одним из лучших современных актеров назвала лондонская печать актера театра имени Руставели Автандила Махарадзе. Назвала за блестящее исполнение ролей в спектакле «Ричард III». Сейчас А. Махарадзе 37 лет и подошел он к ним, вооруженный, хотя и немногочисленным, но высококачественным арсеналом ролей в театре и кино. «Актеров некогда делили по амплу — герой-любовник, резонер, характерные исполнители. Постепенно необходимость в таком делении отпала, появился новый, современный тип, так называемый, общепрофильный актер, то есть одинаково владеющий искусством играть и трагедии, и комедии, и фарса... Я за такого актера», — говорит он. То, что А. Махарадзе «за такого актера», вытекает уже из сыгранных им ролей. Разноплановые — в фильмах «Миха», «Лазаре», «Хизаны Джако», спектаклях «Вчерашние», «Ситуация», «Ричард III», «Тартюф» и других — они свидетельствуют, во-первых, о его постоянном стремлении расширять диапазон, а, во-вторых, о том, что это ему прекрасно удается.

«Тартюф» — премьера. Наверное поэтому актер относится к своей роли в ней с особым интересом. Наш спектакль не только о Тартюфе — он о самом Мольере, о его взаимоотношениях с королем. Драматургический материал сам по себе очень интересный. Кроме того, роль эта для меня, как для актера, качественно нова. Что-то вроде этого мы делали вместе с режиссером Теймуразом Чхеидзе шестнадцать лет назад в институте. И сейчас те институтские навыки мне очень пригодились.

— Вы учились вместе с Т. Чхеидзе?

— Да, и с тех пор работаю вместе с ним. Он сыграл, пожалуй, решающую роль в моем становлении, как актера.

— Но Т. Чхеидзе, о котором вы говорите, как о своем учителе, и Р. Стуруа, в спектакли которого вы прекрасно пишетесь, совершенно разностилевые режиссеры. Это вам не мешает в работе?

— Напротив. Я считаю, что мне очень повезло. Находиться в театре с двумя такими талантливыми и, в то же время, различными по стилю режиссерами, работать с ними и пробовать себя в разных планах — большая школа для актера. Я люблю работать. Люблю лепить характеры — в этом и заключается задача актера. А для этого надо иметь в своем арсенале все средства актерской выразительности — будь то владе-

ние голосом и телом, умение выделять самые невероятные трюки, быть, наконец, физически выносливым... Во время работы над Мольером я даже подумал как-то, что, не будь у меня столько физических сил, я вряд ли справился бы с такой нагрузкой.

— Получив роль, вы начинаете самостоятельно работать над текстом или доверяетесь режиссеру?

— Несмотря на огромную любовь к своей профессии, я всегда отталкиваюсь от того, что в спектакле первое слово принадлежит режиссеру. Он определяет концепцию спектакля в целом. И только, узнав отношение режиссера к тому или иному «явлению» в спектакле, я начинаю думать над вариантами претворения в жизнь своей роли в нем. Последнее слово — тоже, увы, за режиссером. Только он может отобрать наиболее приемлемый для общей структуры спектакля вариант. Убежден, что в спектакле искусство актера не существует вне искусства режиссера. И задача актера — подчинить свое решение роли общему замыслу.

— Если бы пришлось выбирать снова, стали бы вы актером?

— Обязательно. С детства мечтал об этом — активно участвовал в драмкружках. Может быть, и гены дают о себе знать. Мой отец был актером, хотя умер совсем

молодым, в 25 лет, когда мне был год.

— Актер и зритель. В какой зависимости, по-вашему, находится качество игры актера на сцене от реакции зрителя?

— Качество? Ни в какой. Признаюсь, мне приятно, когда зал переполнен. Но качество игры, то есть степень отдачи, ни в коей мере не зависит от количества людей в зале. Я зал не вижу со сцены. Нет. Я его чувствую. Чувствую все, что происходит вокруг. Но это все второстепенно. Оно живет своей жизнью. А я живу в тот момент тем, что происходит на сцене. И потом — зритель ведь тоже разный. И, значит, реагирует по-разному. У меня есть своя, четкая задача. И я пытаюсь каждый раз завершить ее успешно.

— И у вас не опускаются руки в случае холодного приема зрителем?

— Нет. Переживать можно дома. А на сцене — другая жизнь. И все остальное — за рамками этой жизни.

— Вы говорили о том, что зритель бывает разный. Если помечтать, то какого бы зрителя вы для себя пожелали?

— Сложный вопрос. Наверное, в первую очередь, доброжелательного. Не такого, который идет на спектакль самоутвердиться, а, значит, постоянно контролирующего себя, чтобы, не дай бог, не засмеяться там, где по его программе не положено. А непосредственного, открытого, готового принять любые условия игры.

— Если пойти дальше и выйти в мечтах за рамки театральных подмостков, то какими людьми вам бы хотелось окружить себя в жизни?

— Для меня главное в человеке — способность к самопожертвованию. Это отправная точка. Отсюда берут начало и любовь к своей стране, и любовь к своему делу, и доброжелательное отношение ко всему происходящему. А потом уже качества, без которых, по крайней мере в искусстве, нельзя создать ничего стоящего — деловитость и способность ценить чужой труд. Неумение, а тем более, нежелание радоваться чужой победе — незавидный удел.

Не лучше ли жить с улыбающейся душой?

Э. ХАРАДЗЕ.

НА СНИМКЕ: А. Махарадзе.
Фото А. Барсегова.